

нии — было человек 150. Говорили речи, пели, снимали. Здешние русские говорят плохо по-русски, и вообще очень ошведились»⁵ в сопоставлении с фрагментом ее более подробного письма к Зурову от того же 10 декабря: «Вчера были на чае, устроенном русской колонией в шведском ресторане, стоящем в лесу среди зоосада. (...) Русских здесь мало, очень ошведились, говорят с трудом».⁶

Проставленные в дневниках и письмах даты призваны засвидетельствовать, что изложение происходящего принципиально синхронизировано с самими событиями, однако сопоставление текстов, заявленных как одновременные, выявляет разночтения, убедительно демонстрируя отход от принципа синхронности. Так, в «Грасском дневнике» Кузнецовой в записи от 4 декабря отмечено: «Днем были с В. Н. и Яшей в Зоологическом саду» (с. 354). В параллельном тексте — письме к Зурову от того же 4 декабря — В. Н. Бунина пишет: «После завтрака я почувствовала такую усталость, что отказалась от поездки в Зоологический сад и легла спать».⁷

Здесь не столь значима сама ошибка, как и то обстоятельство, кто именно из «авторов» ошибается (тем более что возможности перекрестной проверки нет), сколь значим тот факт, что один из датированных 4 декабря документов явно написан позднее.

Стремление «авторов» к объективному изложению происходящего проявляется в продолжительных рассказах-хрониках, в потоке которых порой, по формулировке Л. Я. Гинзбург, «прорезываются отдельные повествовательные формы (...) сцены — то мимолетные, то разработанные с театральной обстоятельностью и наглядностью».⁸ Подобный хроникальный поток легче всего проследить на примере описания дня объявления о присуждении Бунину премии, т. е. 9 ноября, или дня ее вручения — 10 декабря 1933 года.

В пересказе обоих событий один из «авторов» ошибается, и представляется, что выявить причины ошибок несложно.

День 9 ноября известен по описаниям всех названных мною «авторов», к ним добавляются и воспоминания одного из непосредственных участников событий, Л. Ф. Зурова, которые цитируются по тексту интервью, данного им на французском радио З. А. Шаховской по случаю 10-летия со дня смерти И. А. Бунина, т. е. в ноябре 1963 года.

Цвибак, находившийся в тот день в Париже, рассказывает о происшедшем с чужих слов, прежде всего со слов самого Бунина, порой даже цитируя и закавычивая его высказывания, но, по всей видимости, отчасти использует и рассказ Зурова:

«9 ноября И. А. Бунин сидел на дневном сеансе в кинематографе Грасса. Шла какая-то „веселая глупость“ под названием „Бэби“, и Бунин смотрел с особенным удовольствием — играла хорошенькая Киса Куприна, дочь Александра Ивановича. Вдруг в темноте загорелся луч ручного фонарика. Л. Ф. Зуров тронул писателя за плечо и сказал:

— Телефон из Стокгольма. Вера Николаевна волнуется и просит поскорее прийти домой.

Первое, что подумал Бунин: жаль, так и не узнал, что стало с Кисой в конце фильма. (...) Так сразу оборвалась его прежняя жизнь: Бунин получил Нобелевскую премию по литературе».⁹

⁵ Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. М., 2001. С. 359. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

⁶ Письмо Г. Н. Кузнецовой к Л. Ф. Зурову от 10 декабря 1933 года (БФРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 50. Л. 28).

⁷ Письмо В. Н. Буниной к Л. Ф. Зурову от 4 декабря 1933 года (Leeds Russian Archive. MS.1067/7935).

⁸ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1977. С. 143—144.

⁹ Седых А. [Цвибак Я. М.] Далекое, близкое. Нью-Йорк, 1962. С. 189.